

3. Гизе М. Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX в. / под ред. В. Р. Аронова. СПб., 2008.
4. Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени: к проблеме примитива в изобразительных искусствах // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени / отв. ред. В. Н. Прокофьев; ред.: Г. Г. Поспелов, Л. И. Тананаева. М., 1983.
5. Глазычев В. Л. О дизайне. М., 1970.

BIBLIOGRAPHY

1. Baldina O. D., Mihajlova N. G. Formation of the object-spatial environment, home design as a field of everyday creativity. Popular culture in modern conditions: tutorial. Moscow, 2000.
2. Kos'kov M. A. Case work, book 1. Saint Petersburg, 1996.
3. Gize M. Je, Aronova V. R. Essays on the history of art construction in Russia XVIII — beginning of XX century. Saint Petersburg, 2008.
4. Prokof'ev, V. N., Pospelov G. G., Tananaeva L. I. About the three levels of the art culture of modern and contemporary: the problem of the primitive in the visual arts. Primitive and its place in the artistic culture of modern and contemporary. Moscow, 1983.
5. Glazychev V. L. About design. Moscow, 1970.

УДК 281.93 (571.151)

Н. Ю. Храпова, Барнаул

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ (1828–914 гг.)

Рассматривается культурно-просветительская деятельность выдающихся миссионеров Алтайской духовной миссии М. Я. Глухарева, В. И. Вербицкого и М. А. Невского на территории Горного Алтая с 1828 по 1914 г.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, Новый и Ветхий завет, христианизация, обрядность, миссионерские школы.

N. Ju. Hrapova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of department of Art Theory and Cultural Studies of VPO "Altai State University", Barnaul.

CERTAIN ASPECTS OF THE ALTAI SPIRITUAL MISSION IN THE GORNYJ ALTAJ (1828–1914 YEARS)

This article discusses the cultural and educational activities, outstanding missionaries MJ Glukhareva, VI Verbitsky and MA Nevsky, in the territory of Gorny Altai from 1828 to 1914.

Keywords: Altai spiritual mission, New and Old Testament, christianization, rites, missionary schools.

История христианизации Горного Алтая — тема многоплановая и до сих пор слабо изученная. В настоящей статье источниками служат отчёты алтайских миссионеров и труды М. Я. Глухарева — основателя Алтайской духовной миссии и В. И. Вербицкого — начальника миссии по Кузнецкому округу. Архимандрит Макарий (В. Я. Глухарев) с 30–40-х гг. XIX в. проводил действительно передовую для того времени политику по распространению христианства и хозяйственному освоению Бийского округа, выдвигал проект расширения миссионерского дела во все-российском масштабе. Проект этот назывался «Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в российской державе».

Суть этого проекта заключалась в следующем: образование Российского миссионерского общества при Св. Синодии (очевидно, взамен закрытого в 1826 г. Русского библейского общества), «...которое бы ведало: а) образовательными заведениями мужскими и женскими, подготовленными юношей и дев к миссионерскому делу и б) самих миссионеров вдовых, безбрачных жён и семейных. Миссионерское общество должно... заботиться об обращении раскольников к союзу с православной церковью, об учреждении и заведении школ и постройке церквей по сёлам и деревням. Для того, чтобы слово Божие, распространялось между подданными России, необходим перевод Ветхого и Нового заветов с оригиналов на русский язык иноверцев, подданных России. Миссионерское общество должно также издать Библию в показаниях разночтений в различ-

ных списках Библии для того, чтобы показать, что Библия, проходя через толикие века, не могла повредиться и измениться в существенном» [1, с. 35–36]. В этой связи он считает необходимым отметить, что «православное миссионерское общество было основано через 35 лет после приведённого нами Проекта... в 1870 г. митрополитом Московским Иннокентием. Оно объединило все разрозненные сибирские миссии (Алтайскую, Иркутскую, Забайкальскую, Обдорскую, Камчатскую и др.). Проект дошёл до Николая I, но Св. Синод все его идеи провалил, т. к. весьма недружелюбно относился к самому Макарию за его упорные споры с Синодом по поводу перевода всей Библии на русский язык. Св. Синод, проводник официальной религиозной идеологии был против распространения в массе верующих некоторых Библейских повествований и предпочитал использовать авторитет Библии, печатая её на церковно-славянском языке, непонятном для основной части населения России. Архимандрит Макарий (М. Я. Глухарев) был глубоко верующим человеком, однако, как человек просвещённый, изучал труды западных протестантских теологов, был знаком с лютеранским пастором и французским аббатом. Под влиянием этого он мечтал о соединении церковью Православной, Римско-католической и Лютеранской. В тех условиях, в эпоху Николаевской России, даже думать об этом было небезопасно. Подтверждением могут служить следующие высказывания Посла австрийского императора Л. А. Мейерберга: «Русские всех приверженцев латинской церкви называют поганями; к римскому же первосвященнику они питают ещё такую ненависть, что никогда не хотели дозволить свободного богослужения «проживающим в Москве католикам» [2, с. 79]. В действительности же богослужения католиков и протестантов, имеющих подворья в Москве, были разрушены Русской православной церковью лишь в 60-е гг. XIX в.

Историк В. О. Ключевский также отмечал в этой связи, что русское церковное общество «...считало себя единственным истинно православным в мире, своё понимание Божества исключительно правильным, творца Вселенной представляло своим собственным русским Богом, никому более не принадлежащим и неведомым, свою поместную церковь ставило на место Вселенской. Самодовольно успокоившись на этом мнении, оно и свою местную церковную обрядность признавало неприкосновенной Святыней, а своё религиозное понимание нормой и коррективом поведения» [2, с. 79–80]. Естественно, что в такой обстановке к попыткам миссионера М. Я. Глухарева перевести Библию на русский язык православ-

ные ортодоксы отнеслись настороженно, и ему от синодальных властей было сделано строгое внушение.

За время своей миссионерской службы архимандрит Макарий обучал новокрещенных грамоте, молитвам и Закону Божию не только на основании своих переводов священной истории на «телеутское наречие», но и славянской и русской грамоте, «...потому что они призваны участвовать в общественном богослужении нашей церкви, совершаемом на славянском языке, и потому, что вошедши в сообщение с народом русским в единой вере..., они должны искать общения с ним, в самом языке русском, и изучать сей живой язык, на котором ... имеет наша церковь уже Новый завет и некоторые из священных книг Ветхого» [1, с. 40]. Проводя христианизацию инородцев, архимандрит Макарий именно с целью облегчения «познания библейских истин взялся за перевод книг Ветхого завета на русский язык, т. е. на опыте «он убедился, что учить народ вере можно только на его родном языке, и потому особенно желал, чтобы высшее духовное начальство благословило его труд перевода Библии на русский язык» [3, с. 28–29].

Полный перевод Библии на русский язык нужен был не только миссионерам, но и «светским людям высшего сословия, которые, не понимая славянского текста, обращаются к иностранным переводам и, поддаваясь влиянию иностранных толкователей, некоторые уже отпали от православной церкви и перешли в другое исповедание; необходима она и духовным, из которых не все имеют досуг... и способность прибегать к средствам учёным, а все, особенно в воспитательных заведениях духовных, должны руководствоваться Священным Писанием» [1, с. 40]. Но митрополит Московский Филарет, к которому архимандрит Макарий неоднократно обращался с письмами о разрешении перевода, не дал положительного ответа. Миссионер же не оставляет своего намерения, активно занимается переводом книг Ветхого завета на русский язык. Заслугой М. Я. Глухарева можно считать то, что он первым из русских священнослужителей перевел Ветхий завет с еврейского на русский язык, но при жизни ему так и не удалось опубликовать его из-за упорного противодействия Синода, видевшего в этом вредную затею. Перевод, правда, не свободный от некоторых ошибок, как первый опыт такого рода был напечатан в журнале «Православное обозрение» в 1860–1867 гг.

В связи с этим мы можем утверждать, что деятельность идеолога и основателя Алтайской духовной миссии (1830–1844 гг.) носила прогрессивный по тем временам характер. Но не следует забывать,

что она целиком и полностью была религиозно-просветительской. Буржуазно-либеральные взгляды М. Я. Глухарева касались, как можно заключить из сказанного, не светского образования новокрещенных, не их грамотности, а имели цель дать «инородцам» религиозно-церковное образование, чтобы затем из их же среды подготовить миссионеров-катехизаторов, обращающих в христианство с помощью родного языка, которым, по мысли Макария, к тому времени должен был стать русский язык.

Будучи начальником Алтайской духовной миссии, архимандрит Макарий (Глухарев) считал, что главным средством борьбы с языческими суевериями должно быть «христианское просветительство» на евангельских началах. С этой целью в открытой при миссии школе он сам обучал детей инородцев «христианским началам веры, молитвам и грамоте» [1, с. 37]. С этой целью он составил свой букварь, по которому «можно было с удобностью учиться славянской и русской грамоте, и в то же время утверждать в памяти ... основания учения Христовой церкви» [1, с. 37].

Помимо переводческой деятельности и обучения туземного населения русскому языку, Макарий ввёл в практику специальные поселения новокрещенных. Оседлые селились, как правило, отдельно от кочевников-язычников, управляли ими также крещенные башлыки (по мере возможности), о чём начальник миссии ходатайствовал перед земским начальством. Вся эта система вводилась с целью более надежного прикрепления «инородца» к лону церкви. Подкрепляли свои действия миссионеры обязательной материальной помощью. Как вспоминал В. И. Вербицкий, «Отец Макарий, научив истинам христианства идолопоклонника, никогда не довольствовался сим. Но каждого новокрещенного инородца старался обзавести домиком, или скотиной, или земледельческими орудиями, поселяя кочевых близ себя, приучив к оседлой жизни... представлял Господину Земскому Начальнику списки, каждый раз ходатайствовал перед Казенной палатой о приведённых в исполнение Положения Государственного Совета, высочайше утверждённого 17 июня 1826 года, о даровании иноверцам, принимающим святое крещение, трехлетней льготы от платежей всех податей» [4, л. 12]. И далее продолжает миссионер: «Пред духовным же начальством исходатайствовал (Макарий. — Н. Х.), чтобы было предписано приходским священнослужителям о безводном и беспрепятственном исполнении всех треб у новокрещенных инородцев, чтобы не требовать с них руги и не избирать из среды их трапезников» [4, л. 13].

Таким образом, хорошо сознавая, что с туземным населением, находившимся под властью родовой верхушки зайсанов, демичей и башлыков (паштыков), редко соглашавшихся креститься и исповедующих языческую веру, крепко связавшую их во всех отношениях со старым патриархально-общинным обществом, нельзя общаться с помощью насилия, Макарий (Глухарев) настаивал на предоставлении материальных льгот новокрещенным, приобщал их к грамотности, русской культуре, быту. Будучи человеком просвещенным и дальновидным, он считал такие методы единственно верными для того, чтобы достичь успеха во всей многогранной деятельности миссии (просветительской, хозяйственно-экономической, политической, филантропической). Самим архимандритом Макарием было окрещено и переведено на оседлость 675 лиц обоего пола, в основном обитателей северного Алтая (телеутов и «черневых» татар).

16 июня 1844 г. архимандрит Макарий (М. Я. Глухарев) уволился из миссии по состоянию здоровья и был определен настоятелем Болховского Троицкого монастыря Орловской епархии. Его преемником стал Стефан Ландышев. При нём в 1844–1866 гг. наконец-то прекратились конфликты со Святейшим Синодом, что позволило расширить деятельность миссии и открыть её новые отделения.

В 1857 г. начальник миссии С. Ландышев открывает Кузнецкое отделение Алтайской духовной миссии, распространившее своё влияние на улусы шорцев рек Кондомы, Мрассу, Матура и бачатских телеутов. Первым миссионером Кузнецкого отделения был назначен Василий Иванович Вербицкий (1827–1890). Первые два года своей деятельности миссионер В. И. Вербицкий изучал язык и местные обычаи. Кузнецкий (Кузедеевский) стан миссии помогла ему обустроить благотворительница из Санкт-Петербурга Мария Адлерберг. В. Вербицкий, проживший 25 лет в улусе Кузедеевском, проехал верхом по черневой тайге 36 тыс. вёрст. Автор многочисленных работ по этнографии алтайцев за 37 лет миссионерской деятельности он крестил 2127 язычников-шаманистов, являлся действительным членом Московского общества акклиматизации растений, членом-сотрудником Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, действительным членом Томского статистического комитета [5, с. 3]. Посещая кочевья и посёлки, миссионер вёл беседы с алтайцами, доказывая им превосходства православной веры перед шаманством и убеждая в необходимости принять святое крещение. Шорцы во время бесед не были молчаливыми слушателями. В одном из миссионерских отчётов встречается упоминание о воз-

ражениях и контраргументах, которые выдвигали слушатели в ходе «душеполезного» собеседования. Один из собеседников миссионера, некрещенный зайсан, резонно возражал, «что можно угодить Богу и в татарской вере» [6, с. 7]. Нередко алтайцы, давшие подписку креститься, с приездом миссионера отказывались от своих обязательств. Рассказывая о таком случае, священник Сузоповского отделения миссии написал в отчёте: «...упорствовавшая женщина... когда ее стали подводить ко мне, чтобы послушать моего увещания креститься... кричала: «Пусть архиерей даст 10 рублей, тогда крещусь, им за каждого крещеного выдают за казны деньги» [6, с. 10].

Несмотря на увеличение числа ежегодных крещений, миссионеры понимали несовершенство методов своей работы на местах. Посещая кочевья, миссионер жил в аиле не более двух дней, а это было недостаточным для установления доверительных отношений с алтайцами-язычниками (шаманистами). Миссионеры в большинстве своём оказывались нетерпимыми по отношению к шаманизму и не желали идти на малейший компромисс в вопросах веры, а это не способствовало укоренению православия в Горном Алтае. Миссионеры устанавливали деревянные кресты как символы новой веры, и вблизи них не разрешалось устраивать шаманские камлания, например, на перевале Чике-Таман по одну сторону дороги был водружён крест, а напротив него на лиственнице развевались «языческие ленточки» из разноцветной бязи — почитание духов местности.

В. И. Вербицкий разъяснял на местном наречии принципы и нравственные ценности православия. Для этого он демонстрировал живописные картинки, наглядно подтверждающие правильность его слов. Иногда изумлённые слушатели могли самостоятельно сравнивать достоинства новой православной веры и недостатки местного шаманизма. Ими осуждались кровавые жертвоприношения «нелюбимому, посылающему болезни и несчастье диаволу (Эрлику) и его многочисленному полчищу злых духов» [7, с. 43].

Большим авторитетом В. Вербицкий пользовался как специалист по лекарственным травам и лечению больных. Он всегда с собой брал походную аптечку с медикаментами, и его эффективное лечение больных выбивало почву из-под ног шаманов. Например, в Кузнецком отделении миссии в 1864 г. началась эпидемия дизентерии, которую отцу Василию удалось остановить, после чего многие местные жители стали относиться к русскому священнику с ещё большим доверием. В. И. Вербицкий был весьма образованным, честным и простым человеком, это помогло ему, на наш взгляд, добиться такого уважения,

что волостные старосты стали отдавать свои печати ему на хранение, а креститься шли с удовольствием, уже до сотни человек в год.

Отец Василий большое внимание уделял обучению грамоте подросков. В 1859 г. он открыл первую миссионерскую школу в Калтане, а через два года вторую — в улусе Кузедеевском. В этих школах преподавали грамоту (русский язык), Закон Божий, арифметику, Священную историю и церковное пение. Наиболее способные ученики этой школы продолжили обучение в Улалинском миссионерском училище, основанном в 1867 г. В. И. Вербицкий за верную службу был возведён Святейшим Синодом в сан протоиерея и назначен сотрудником начальника миссии.

Образование в миссионерских школах наряду с принятием христианства оказало большое внимание на образ жизни местного населения Кузнецкого уезда. Местное население стало строить срубные избы рядом с традиционной юртой («одагом»), которая использовалась теперь только в летнее время года. Изменился и хозяйственный быт местного населения, появились огороды, в которых, по примеру миссионеров, шорцы сажали картофель, лук, капусту, в пищу стали использовать свиное сало, курятину и яйца, что значительно обогатило их рацион. Они стали строить двухъярусные амбары северорусского типа с галереей и навесом, холодные стойки, свинарники, курятники и ввели занятия пчеловодством. Появились и русские бани, вопреки учению шаманов о том, что содержание тела в чистоте приводит к беззащитности перед злыми духами и к болезням. Изменился быт женщин в шорских улусах. Как отмечалось в отчёте миссии за 1892 г., «жёны миссионеров обучали женщин кроить и шить одежду, печь в русских печах хлеб, запасать на зиму в консервированном виде грибы и ягоду. В быту стали появляться покупные предметы — самовары, чугуны, утюги» [8, с. 53–58, 60].

Итак, в Кузнецком отделении Алтайской духовной миссии столкнулись две религиозные системы — православие и шаманизм, в результате возникло «двоеверие», или религиозный синкретизм. Сложности представляло усвоение догматики христианской веры, хотя, с одной стороны, особенности культа и внешние символы веры — нательные и надмогильные кресты и иконы — туземцы использовали довольно широко. С другой стороны, шорцы-«двоеверцы», проживающие под Кузнецком, «... в домах хранили... образа, ... и камские бубны. Хотя они и были крещёнными, но в повседневной жизни продолжали обращаться к шаману или камлали сами. Богами христианскими считали Миколу-батюшку и Илью-пророка» [9, с. 69–70].

Миссионеры признавали, что распространение шаманизма определялось образом жизни «инородца», «... при камлании бывает обильное угощение, как мясом, так и аракой, до чего они большие охотники» [10, л. 2]. Со временем обыденное религиозное сознание стало представлять смесь шаманистских и христианских элементов. Приспосабливая каноны православия к традиционному мировоззрению «инородцев», церковь добилась влияния на их повседневную жизнь. Не имея канонизированных записанных традиционных верований и обрядов, народы Сибири передавали свою культуру лишь устно, через предания. Некоторые легенды о сотворении мира, человека, Великом потопе, Ноевом ковчеге, появлении различных языков и народов, заимствованные алтайской мифологией из богатой христианской мифологической системы, приобрели различные элементы дошаманистских и шаманистских культов. Так, например, Ной вошёл в мифологию под именем Нама или Яик-хана. Шорцы приносили ему жертвы и почитали как помощника Ульгена [11, с. 262–264]. Языческие праздники, как и православные, были тесно связаны с природно-хозяйственным календарем. Поэтому вместо весеннего праздника берёзы «шачил» миссионеры «предложили» отмечать православную Пасху, шаманский обряд «Коча-кан», связанный с культом плодородия, превратился в «Коча-кан коляде» и стал справляться под Рождество с колядованием в берестяных масках [12, с. 121]. На праздниках (Рождество, Пасха, Троица, Петров день, Ильин день), как и прежде, «... упивались до смерти и стар, и мал, и язычник, и крещеный».

В целом, миссионерская деятельность у шорцев способствовала развитию школьного образования, формированию литературного шорского и телеутского языков, что привело в конечном итоге к появлению национальной литературы, а под влиянием миссионеров на традиционный образ жизни туземного населения постепенно начался переход традиционной культуры малочисленных этносов Алтая на качественно новый уровень. Православие и школьное образование, таким образом, приобщало местное население к ценностям российской и мировой культуры.

Последователем и активным продолжателем миссионерства на Алтае с середины 80-х гг. XIX в. стал новый начальник Алтайской духовной миссии епископ Бийский Макарий (Михаил Андреевич Невский), ранее служивший в миссии учителем миссионерской школы. Монашество он принял в 1861 г. под именем Макария, в честь основателя миссии архимандрита Макария (М. Я. Глухарева). В мае

1891 г. он был переведен на самостоятельную архиерейскую кафедру в Томск, в 1901 г. становится епископом Томским, а с 1912 г. — митрополитом Московским и Коломенским. Такое быстрое продвижение по церковно-иерархической лестнице объясняется просто: личные связи Макария (Невского) с известным русификатором Н. И. Ильминским, который представил его ярчайшему представителю реакционной политики в вопросах просвещения К. Победоносцеву — обер-прокурору Синода.

Как же конкретно обстояли дела с просвещением в этот период? Школьное дело было пронизано религией, из учеников готовили новую армию распространителей христианства, миссионеров. Эти ученики ходили по селениям и юртам с пением благочестивых стихов на алтайском языке (во всех школах ввели в программы обучение чтению и письму по-алтайски), чтением соответствующей религиозно-пропагандистской литературы. Для этой цели заметно увеличилось количество переводной литературы. Руководил переводческой деятельностью сам начальник миссии. При нём миссия печатала переводы соответствующих мест Священного писания, труды богословов, жития святых, беседы, поучения. Как известно, сам Макарий (Невский) перевел на алтайский язык «Четвероевангелие», сборники священных песен и другую литературу, т. е. обработка умов шла в рамках идеологии православия. Даже азы родиноведения преподавались в связи с христианской, библейской терминологией.

К 1885–1890 гг. школы были заведены при всех станах, за исключением лишь некоторых селений. К 1889 г. числились 31 церковно-приходская школа (это начинание касается также активной деятельности епископа Бийского Макария) и одна школа грамоты. Из них 27 школ находилось в Бийском округе и 5 школ — в Кузнецком. К началу XX столетия насчитывалось свыше 60 школ [13, л. 5].

Такую картину обучения в Урскульской школе в 1889 г. изобразил в своих записках учитель Д. Я. Никифоров: «Утром и вечером читаются, и поются соответствующие молитвословия по Алтайскому букварю. ... Прошли по Закону Божию объяснения утренних молитв. По русскому языку чтение и письмо содержания статьи предварительно после рассказа. По арифметике счет до сотни и обозначения. ... По Закону Божию рассказы из Священной истории и Нового завета: разные священные события. ... по моему внушению и приказанию ходят в аилы читать жития святых, к тому тщательно приготовились» [14, л. 4]. В Улалинском училище в 1885 г. царил такая же атмосфера. В «Донесении Михаила Ташкинова Вас. Вербицкому, по-

мощнику начальника Алтайской духовной миссии» говорится следующее: «...в первое полугодие... в первом отделении (22 ученика — Н. Х.) ... по Закону Божьему пройдены молитвы по «Отче наш» и слушали рассказы из Священной истории Ветхого завета до истории Авраама; по грамоте пройдено весь русский алфавит, а по арифметике — число 5. Во втором отделении числится 20 мальчиков. По Закону Божьему пройдено: краткое повторение молитв и рассказы из Священной истории Ветхого завета до истории Авраама; ... по арифметике повторение первых 10-ти чисел с табличками» [15, л. 66], т. е. повторение пройденного в первом отделении. В других школах изучали молитвы, заповеди и Символ веры, церковное пение хором — «хоропение». В целом, число миссионерских школ в Горном Алтае неуклонно росло. К 1911 г. их было 60, не считая катехизаторского училища.

Алтай стал «руководителем и образцом всего сибирского миссионерства», — писали Томские епархиальные ведомости за 1911 г. [16, с. 246]. По сути дела, начало XX в. было переломным в истории христианства на Алтае. К этому времени деятельность миссионеров, на наш взгляд, сближается по своему содержанию с деятельностью приходских священников, так как священники расширяют круг своих обязанностей. Миссионерские отделения становятся православными приходами с многочисленной паствой, наряду с заботами об увеличении числа прихожан много времени занимало отправление служб в храме, крещение новорожденных, венчание, отпевание.

Миссия встретила начало XX столетия большими надеждами на дальнейшее укрепление основ православия в Горном Алтае, были открыты новые станы Бийского округа: Паспаульский, Усть-Канский, Тайнинский и Александровский. В начале XX в. на алтайский язык были переведены букварь (издан в 1902 г.), Часослов, жития святых, поучительные статьи, священные истории Ветхого и Нового Заветов. В это время особое внимание на Алтае уделялось воспитанию миссионеров из числа алтайцев. Св. Синод разрешил принимать алтайцев в миссию в качестве проповедников, о чём свидетельствует выдержка из отчёта миссии за 1908 г.: «Ныне из 26 миссионеров — 2 русских, не знающих алтайского языка, а остальные или коренные алтайцы, или уроженцы Алтая, для которых алтайский язык сделался как бы родным языком» [17, с. 287].

Вполне понятно и то внимание, которое уделяла миссия школам, где алтайские дети получали первые представления о христианстве. Не скрывая своих целей и намерений в отношении школьного дела,

миссия прямо заявляет: «Главная выдающаяся черта наших школ — это церковность их... Жизнь школ миссии тесно связана с храмом. Учитель — он же непреременный участник богослужений. Благодаря переводческим трудам... ученик-алтаец может сознательно, на родном языке читать и петь в храме» [18, с. 16]. В 1905 г. в 57 школах миссии обучалось 880 алтайских детей [19, с. 17], а к 1914 г. в Алтайской духовной миссии появилась сеть миссионерских и церковно-приходских школ. Функционировали и монастырские школы, где преподавались те же предметы, что и в миссионерских и церковно-приходских школах, но велись ещё уроки по иконописанию и рукоделию (при женском Николаевском Улалинском монастыре).

Итак, к началу XX в. влияние российского миссионерства, как видно из данных материалов, на население Горного Алтая и Горной Шории было весьма велико. Христианизация сыграла прогрессивную, хотя и не решающую роль в социально-экономическом и культурном развитии этих народов. Распространение христианской веры способствовало не только упадку влияния язычества, но и изменению быта местного населения, семейно-брачных отношений (переход к моногамной семье, прекращение незаконного сожительства и т. п.), принятие крещения означало, прежде всего, переход к оседлому образу жизни, занятие земледелием, хлебопашеством, огородничеством, ремёслами, пчеловодством (особенно в северо-восточных районах Горного Алтая). А это, в свою очередь, обеспечивало стабильный доход, несмотря на обложение крестьянскими податями. Аборигенное население избавлялось от голода и холода (смена юрты на русскую избу). Следовательно, христианство повлекло за собой изменения не только идейного характера, но и способствовало значительным сдвигам в социально-культурной, экономической, базисной структуре полукочевого алтайского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сборник исторических материалов о жизни и деятельности Настоятеля Болховского Троицкого Оптина монастыря, отца Архимандрита Макария Глухарева. Орёл, 1897.
2. Ипатов А. И. Православие и русская культура. М., 1985.
3. Просветитель Алтая Архимандрит Макарий. — СПб., 1893.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 5.
5. Отчёт о миссиях Томской Епархии — Алтайской и Киргизской — за 1890 год // Томские епархиальные ведомости. 1891. №9.

6. Отчёт Алтайской духовной миссии Томской Епархии за 1896 год. Томск, 1897.
7. Владимир, архимандрит. Алтайская духовная миссия в 1870 г. // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. М., 1872. Кн. 2.
8. Отчёт о миссиях Томской Епархии Алтайской и Киргизской за 1892 год // Православный Благовестник. № 17. М., 1893.
9. Чевалков М. В. Памятное завещание. Горно-Алтайск, 1990.
10. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 74.
11. Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1865 г. // Православное обозрение. Т. 19. № 1. М., 1866.
12. Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Кемерово, 1989.
13. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 15.
14. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 41.
15. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 10.
16. Потапов А. П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л., 1953.
17. Православный благовестник. 1909. № 7. Кн. 1.
18. Отчёт Алтайской духовной миссии за 1901 г. Томск, 1902.
19. Отчёт Алтайской духовной миссии за 1905 г. Томск, 1906.

BIBLIOGRAPHY

1. Collection of historical materials about the life and work of the Rector of Bolhovskij Trinity Optina Monastery, Archimandrite Macarius Glukharev. Orjol, 1897.
2. Ipatov A. I. Orthodoxy and Russian culture. Moscow, 1985.
3. Enlightener Altai Archimandrite Macarius. Saint Petersburg, 1893.
4. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5.
5. Report on the mission of the Diocese of Tomsk — Altajskaja and Kirgizskaja — for 1890. TEV, 1891. No 9.
6. Report on the mission of the Diocese of Tomsk for 1896. Tomsk, 1897.
7. Vladimir, archimandrite. Altai spiritual mission in 1870. Collection of information about the Orthodox mission and activities of the Orthodox Missionary Society. Moscow, 1872. Book 2.
8. Report on the mission of the Diocese of Tomsk. Altajskaja and Kirgizskaja for 1892. Orthodox Evangelist. No17. Moscow, 1893.
9. Chevalkov M. V. Memorial testament. Gorno-Altajsk, 1990.
10. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 74.

11. Verbickij V. Notes missionary Kuznetsk branch of Altai spiritual mission for 1865. Orthodox review. V. 19. No 1. Moscow, 1866.
12. Kimeev V.M. Shorcy. Who are they? Kemerovo, 1989.
13. GAAK. F. 164. Op. 2 D. 15.
14. GAAK. F. 164. Op. 1. D. 41.
15. GAAK. F. 164. Op. 1. D. 10.
16. Potapov A. P. Essays on the history of Altai. Moscow; Leningrad, 1953.
17. Orthodox Evangelist, 1909. No 7. Book 1.
18. Report Altai spiritual mission for 1901. Tomsk, 1902.
19. Report Altai spiritual mission for 1905. Tomsk, 1906.